

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

МОСКВА · 1998 · 4

Л. Р. КЫЗЛАСОВ, И. Л. КЫЗЛАСОВ

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(конец XIII — начало XV в.)

В 1960 г. одним из авторов этих строк была обоснована датировка памятников енисейской рунической письменности. Имевшиеся тогда материалы позволили определить период бытования этой самобытной системы древнетюркского письма с VII по XIII в. и определенно соотносить его с Древнехакасским государством [1, 2]. Было показано также использование енисейской письменности не только самими древними хакасами, но и раннесредневековым населением Тувы — тюркоязычными чиками [1, с. 97—100]. В дальнейшем положение об официальном и, в силу того, надэтническом статусе этого письма в пределах крупнейшей южносибирской державы было обосновано в работах второго автора настоящей статьи [3; 4, с. 125—128, 155—157, 161—163; 5, с. 34—41; 6; 7].

Ныне появились материалы, позволяющие расценивать письменные памятники домонгольского времени (их твердо датированная серия относится к VIII—XII вв.) в качестве одного из этапов существования енисейской рунической письменности. Кроме этого периода классического енисейского письма был и последующий, более поздний этап его истории. Он относится ко времени монгольского господства в Южной Сибири, а точнее, к концу XIII — началу XV в.

Выделению этого нового этапа развития енисейской рунической письменности и посвящена настоящая статья. Сегодня относящиеся к нему письменные памятники немногочисленны. Это две краткие надписи, одна из которых обнаружена на Среднем (в Хакасии), а другая — на Верхнем Енисее (в Туве). Но им в равной мере присущи лингвистические и палеографические черты, характеризующие новые условия бытования енисейской письменности.

I. Надписи на изваянии «Богатырь»

Первая надпись известна науке 270 лет. 24 января (4 февраля) 1722 г. Ф. И. Таббертом-Страленбергом на левом берегу Енисея в междуречье Ербы и Теси было осмотрено каменное изваяние с вырезанными на спине строками рунической надписи (рис. 1) [8, с. 174; 9, с. 41]. Различные воспроизведения текста (получившего в тюркологии индекс Е 37) публиковались неоднократно (отметим среди них те, что были выполнены по оригиналу [9, табл. 12, В; 10, табл. XXX; 11, с. 9, 10, рис. 124; 12, табл. ХСV, 6; 13, рис. 1; 14, рис. 2; 15, с. 67, 106]). Тюркологи не раз издавали его прочтения и комментарии [14, с. 9—12; 16, с. 343, 344; 17, с. 170—172; 18, с. 580—582; 19, с. 66, 67; 20, с. 161, 162]. Однако большинство исследователей, даже знакомых с оригиналом, следовали за эстампажем и прорисовкой В. В. Радлова [12, табл. ХСV, 6] (рис. 1), которые, как выясняется при изучении подлинника, во многом не соответствуют действительности. Из опубликованных воспроизведений памятника наиболее точным оказался рисунок финской экспедиции [11, рис. 124] (ср. [10, табл. XXX]) (рис. 2). Наши предшественники видели в строках, высеченных на изваянии, единый и связный текст — на деле же это несколько самостоятельных и даже разновре-

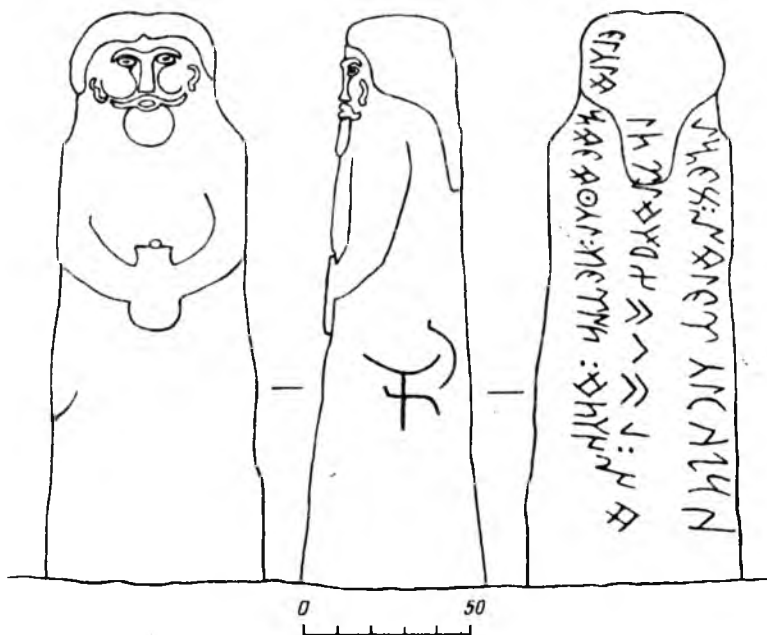

Рис. 1

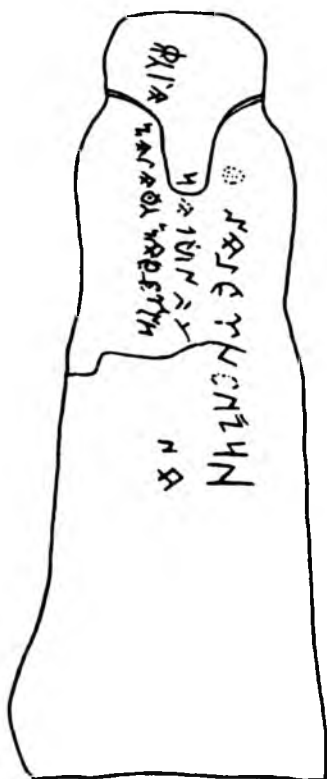

Рис. 2

Рис. 1. Изваяние «Богатырь», Хакасия. Хранится в Минусинском музее (инв. № 12). По рисунку Л. Р. Кызласова и прорисовке рунического текста В. В. Радлова

Рис. 2. Надпись на спине изваяния «Богатырь» по Х. Аппельгрэн-Кивало

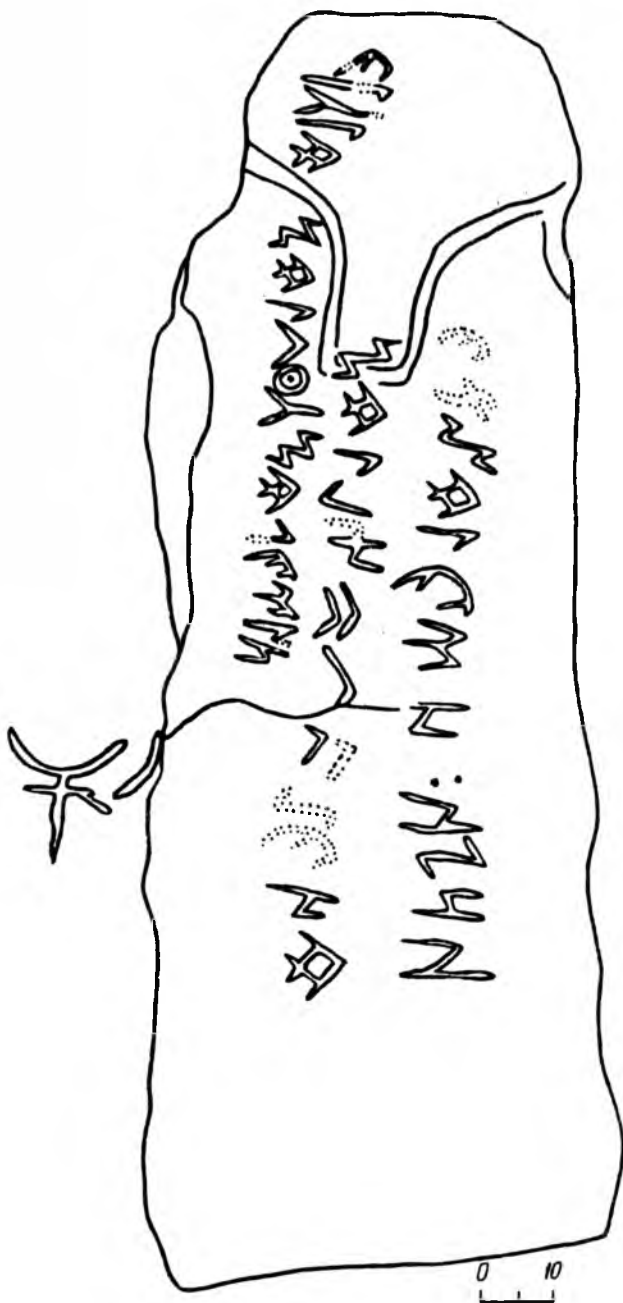

Рис. 3. Рунические надписи на спине (Е 37/1) и затылке (Е 37/2) изваяния «Богатырь». Прорисовка И. Л. Кызласова

менных надписей. Часть из них, размещенных на спине скульптуры, близки друг к другу по форме и назначению (этот комплекс обозначим как Е 37/1), краткая надпись на затылке каменной бабы (Е 37/2) иного происхождения. Рассмотрим эти тексты последовательно.

Текст на спине скульптуры, изваянной из серого гранита (Е 37/1), труден для восприятия: на одних участках неровной поверхности буквы различаются

ясно, на других они сильно сглажены или полностью разрушены. Возможно, знаки имели различную глубину выбивки. Но уже те места, где буквы опознаются без сомнений, указывают на иное, чем полагали предшественники, назначение этого письменного памятника. Он не является эпитафией. На изваяние (относящееся к типу, появившемуся на Саяно-Алтае после середины VIII в. и существовавшему до X в. [21, с. 80—82, 191, 192]) было нанесено несколько своего рода посетительских надписей, ибо во всех трех строках повторена одна и та же формула: «я — такой-то» (рис. 3).

Первая строка высечена глубоко и составляющие ее 11 знаков определяются надежно: qf'aq : ö(ü)r²gib²n² — q(a)gaq örgi b(e)n «Я — Карак Ёрги». Судя по строению фразы, слово qaraq («глаз» [22, с. 425]) употреблено здесь в качестве мужского личного имени. örgi является озвонченным вариантом слова örgki («находящийся вверху, занимающий высокое положение», ср.: ögüki [22, с. 389, 391]) и может переводиться как «знатный», «высокопоставленный». Оба слова, насколько известно, впервые отмечаются в тексте рунического письма.

Выше этих знаков следов выбивки нет, но есть очень мелкие борозды, принятые В. В. Радловым за буквы «z» и «g» и послужившие основой для выделения слова (e)zg(ä)pä (ср. [22, с. 192]). В отсутствии этого слова убеждает не только состояние поверхности камня, но и завершенность словесной формулы, выраженной предшествующими 11 знаками.

Вторая строка, сохранившаяся хуже прочих, вероятно, состояла из 12 букв. Она также завершается личным местоимением b(e)n, т. е. содержит мужское имя. Первый различимый слог дает возможность восстановить начальный компонент имени как bö[gä] («герой, силач, богатырь» [22, с. 116]), а уцелевшие элементы букв последующего составляющего имени — как t(a)št(i)nqī («находящийся снаружи, внешний» [22, с. 541]), написанное не через «n¹», а через «n²» (ср., хотя, иной поворот «n²» в слове ben) и которое можно истолковывать как обозначение должности: b²ö[gä]t(?) (a)št(i)n¹q(?)ī b²(e)n² «Я — Бёге Таштынкы (Внутренний [чин])».

Третья строка сохранилась довольно хорошо. В ней 13 букв. В отличие от строк 1 и 2 здесь дважды повторено местоимение b(e)n, т. е. следует предполагать обозначение не одного, а двух личных имен. Оба они краткие, вероятно, состоящие из одного слова каждое. Вторая и пятая буквы могут восприниматься по-разному. Вероятно, что в первом случае это знак «i», а не «ü(ö)» (ср. их написание в строках 1 и 2, хотя это, как увидим, не может быть определяющим). Во втором же — скорее знак «p» («n²?»), чем «š» (ср. крупное написание «š» здесь же — буква 10-я — и во второй строке). Учет сказанного, однако, не позволяет предложить убедительного прочтения: tir(i)g («живой»), хотя и является употребимым компонентом древнехакасских мужских имен, обычно стоял в них последним и не был единственным (ср. E 3, 3; E 6, 1; E 44, 7; E 53, 1; E 55, 3 E 98, 1); к тому же пятая буква не может при нормальной орфографии самостоятельно передавать какую-либо часть личного имени. Остается «озвучивать» это имя, исходя из того, что подобное до сих пор не встречалось в письменных памятниках: tirg(i)p(?), tirg(i)n (как вариант слова terkin — «соединенный; собрание, скопление» [22, с. 554, 562]), или, вопреки палеографическим особенностям, как törg(ä)š ~ turg(i/e)š, tirg(i/e)š.

Чтение второго личного местоимения этой строки не вызывает сомнений: č(a)ŋ, šī. Аналогию ему встречаем в памятнике Уйбат II (E 31, 1) [19, с. 60]. В целом 13 знаками третьей строки записано: tirg(i/e)š(?türg(i/e)š?)b(e)n č(a)ŋšib(e)n — «Я — Тирбеш (?Тюрбеш?) (и) я — Чангшы».

Как видим, строки, выбитые на спине изваяния, не составляют единого и связного текста. Эти надписи — отметки четырех различных людей, и нанесены они на камень, очевидно, не за один прием. В пользу последнего предположения свидетельствуют аргументы двух видов. Во-первых, особенности расположения строк показывают, что первая и вторая появились еще на свободной поверхности

камня и, вероятно, нанесены за один раз (они размещаются по ее середине, начинаются на одном уровне, составлены более крупными буквами — высотой по 8—9 и до 13 см), а третья заняла лишь оставшийся от них пустой участок (она протянулась у края, начата на другой высоте, выведена мелкими знаками — по 5—6 и до 7—8 см). Во-вторых, строки различаются по облику примененных в них знаков (ср. дугообразную в стк.1 и угловатую в стк.3 форму «g»; различный разворот «п²» в стк. 1 и 2, 3, хотя последнее расхождение сглаживается предлагаемой трактовкой знака восьмого в стк. 2 как «п²»; иной облик букв «ö/ü» в стк. 1—2 и стк. 3, если в ней так понимать знак второй). Несхожи и приемы орфографии: в стк. 1 использована словоразделительная отметка (знак пятый), отсутствующая в стк. 3 (проследить эту черту для стк.2 невозможно, поскольку она испорчена).

Все данные, пожалуй, указывают, что письменный памятник E 37/1 сложился в два этапа. Графическое отличие первых двух строк сводится лишь к развороту знаков «п²» в словах *ben*, что, как говорилось, снимается, если принять чтение *tašīn²qī*. Кроме того, подобные случаи двоякого воспроизведения буквы «п²» в текстах, выполненных одной рукой, известны среди енисейских надписей (E 51,1,4; E 45,10; E 43,2,3,4; E 42,4,5,7 и др.). Строки 1 и 2 отличает композиционное единство, общность смысловой формулы, однотипность построения личных имен и отраженный в них равный социальный уровень их чиновных владельцев. При всей схожести словесной схемы третью строку памятника, помимо прочего, отличает от первых двух и простота нетитулованных имен, и их размещение в одну линию.

Итак, по-видимому, на спине изваяния сохранились две самостоятельные надписи: одна состоит из стк. 1 и 2 (E 37/1 — 1, 2), другая — из стк. 3 (E 37/1—3). Вероятно, эти независимые друг от друга письменные памятники связывает лишь единство некоего неведомого нам обряда, заставлявшего участников отмечаться на камне. Судя по надписям, обряд вершили мужчины и делали это по двое. Отметим, что парность имен в надписях исключает объяснение их как эпитафий, а сути обычая — как стремления приписать изваяние кому-либо из определенных умерших. Хотя формула «я — Имярек» обычна для енисейских эпитафий, каждая из них всегда была посвящена лишь одному человеку. Участие в данном обряде отмечалось не только созданием краткой надписи, но и высеканием личного тамгового знака, заменявшим название имени. Пятый человек зафиксировал свое пребывание именно высеканием на боку скульптуры своего герба (рис. 1, 3). По облику тамга принадлежит к середине X в. [2, с. 44, рис. 1, 14]. Судя по размещению, она как будто следует за стк. 3 надписи и этим определяет верхнюю границу даты текста. Но с другой стороны, по известным материалам, сам обычай заменять личный герб полным написанием своего имени отмечается ближе к рубежу X и XI вв. [1, с. 114, 117]. Следует учесть, что, по данным А. В. Адризнава, вывозившего изваяние в музей в 1896 г. и обследовавшего место его первоначального нахождения в 1904 г., со скульптурой была связана еще одна тамга того же рода, выбитая на отдельной плитке. Этот знак, входящий в I группу древнехакасских тамг, датируется началом X в. [2, рис. 1, 13]. Следовательно, обычай, требовавший от участников оставлять свои отметки в виде надписей или тамговых знаков, был связан с этим изваянием по крайней мере на протяжении двух поколений.

Особое назначение письменного памятника E 37, не имеющего ныне подобия среди енисейских надписей на стелах и менгирах, открывает еще одну грань многообразного применения письма в Древнехакасском государстве. Однако сам факт поэтапного сложения этого письменного памятника путем нанесения на изваяние нескольких самостоятельных надписей и дополнительного тамгового знака имеет весьма важное значение для понимания еще одной серьезной особенности данного монумента. Имеем в виду до сих пор не рассмотренные здесь пять рунических знаков, выбитых на затылке скульптуры (E 37/2) (рис. 1—3). Некоторые из этих букв повреждены (рис. 4, 5), но облик их ясен, и

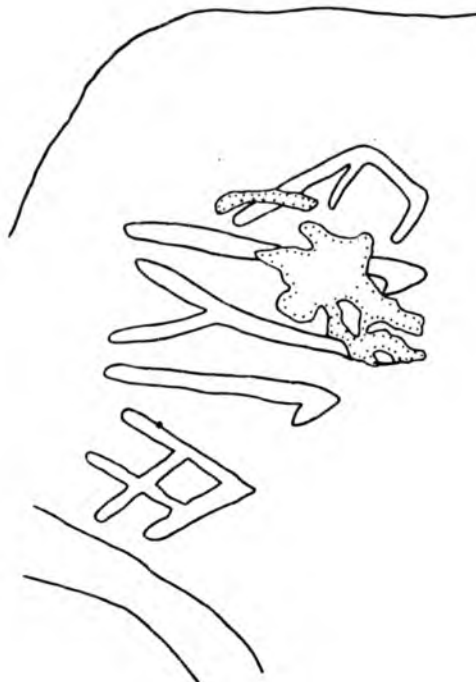

Рис. 4. Надпись Е 37/2, нанесенная на затылок изваяния «Богатырь» в монгольское время. Прорисовка авторов

текст, в котором обозначены все гласные звуки, читается вполне определенно: *b²ičig* — «надпись». Это единственное слово также составляет отдельную, самостоятельную краткую надпись. В этом убеждает пять обстоятельств.

Во-первых, в стк. 1—3 содержится общая, завершенная в смысловом отношении формула, не имеющая связи с рассматриваемым словом. Во-вторых, надпись Е 37/2 расположена на участке, оставшемся свободным после размещения стк. 1—3. Она только на первый взгляд является продолжением стк. 3, ибо буквы в трех строках соразмерны и выстроены по одной прямой, а здесь их высота нарастает справа налево, а основания и вершины не составляют горизонтальных линий. В третьих, наши знаки выполнены иной рукой, их облик отличен от букв стк. 1—3. Хотя форма «g» подобна знаку стк. 3 (но не стк. 1), вид буквы «i» (знаки второй и четвертый) совершенно иной — у нее очень короткий отводок, в то время как в стк. 1—3 он длинный; по-другому (с несимметричной вилкой) выведена и буква «č». В-четвертых, стк. 1—3 соответствуют обычному классическому руническому правописанию: в них применен прием неполного обозначения на письме гласных звуков. В последнем же слове узкие негубные гласные обозначены во всех случаях — нанесший его резчик подчинился совершенно иным правилам письма.

И наконец, фонетический облик интересующего нас слова совершенно необычен и даже уникален для тюркоязычных рунических текстов. Следуя за известными нормами письменной речи раннесредневековых тюркоязычных народов, так называемым «руническим койне», тюркологич, начиная от академика В. В. Радлова, транскрибировали это слово как *bitig*, полагая необходимым исправлять «ошибку» писца. Между тем во всех без исключения воспроизведениях, выполненных с натуры, третий рунический знак является несомненной буквой «č» (рис. 1—5), и, следовательно, все слово, без сомнения, должно читаться как *bičig* (такое чтение приводилось однажды [14, с. 12], но осталось без анализа (ср. [23,

Рис. 5. Надпись Е 37/2. Фотоснимок

№ 218]). Изучая подлинник, ныне хранящийся в Минусинском краеведческом музее (собрание изваяний, № 12), мы еще в 1976 г. [24, с. 61] обратили внимание специалистов на это обстоятельство, в результате чего правильная транслитерация слова была помещена в сводное издание надписей долины Енисея [15, с. 28].

Показанные черты явного своеобразия пяти верхних рун памятника Е 37 — композиционного, содержательного, палеографического, орфографического и фонетического характера — убеждают в одном: перед нами самостоятельная приписка, нанесенная на стоящий в степи камень позднее других его рунических текстов (Е 37/1) и прямо не связанная с ними по содержанию. Вероятно, она имела своего рода пояснительное значение: «(вот —) надпись», указывая на три строки более ранних текстов. Историко-культурное значение этой краткой надписи очень велико.

II. Монголизм в рунической записи

Указывая в 1976 г. на то, что употребление «с» в середине этого слова совершенно несомненно и, следовательно, не приходится говорить о некоей ошибке писавшего, как и «исправлять» начертанное при прочтении (озвучивая слово как bitig), мы высказали предположение, что надпись отразила «хронологические особенности» лексики [24, с. 61]. Ныне следует обосновать это положение.

Vičig — слово монгольское. Обозначая «письмо, надпись» и тому подобные близкие понятия, оно было заимствовано древними монголами из тюркских языков. Древнетюркская форма bitig (неоднократно отмеченная в рунических памятниках) приобрела в монгольской речи несколько иной звуковой облик, характерный для новой языковой среды, в которой слог -ti- закономерно развивается в -či- [25, с. 173, 405; 26, с. 188; 27, с. 156—158; 28, с. 5, 6]. Очевидно, что этот тюркизм вошел в монгольский язык в начале XIII в. через посредство уйгурских писцов, трудившихся сначала в канцеляриях керейтского и найманского государств, а после их покорения Чингизханом привлекавшихся и к официальному делопроизводству его державы. Известно, что с 1204 г. из-за необходимости обучения детей Чингизхана и ведения государственных дел уйгурские грамотеи

приступили к созданию первого монгольского (вертикального) письма на основе уйгурского алфавита [29, с. 52, 125—128]. Уже в записках китайских дипломатов, ездивших к монголам в 1233—1236 гг. при великом хане Угэдэе (1229—1241 гг.), указано, что управителей делами государства монголы называют «бичэчэ» и «бичэчэ на китайском языке называют линши», т. е. «писари» [30, с. 137, 141, 142, прим. 33, 34, 108]. Отмеченное источником слово полностью совпадает с современным монгольским *bičeci* — «писарь».

В документах, написанных на созданной по приказу императора Хубилая в 1269 г. квадратной монгольской письменности, уже употреблялась форма *bičig* — «письмо» и глагольная основа *biči-* — «писать». Интересующее нас слово, например, встречается в Эдикте Мангала 1276 г. [26, с. 48, 59, 104, 147].

Роль заимствования уйгурского письма в становлении старомонгольской письменности общеизвестна. Очевидно также близкое знакомство раннесредневековых монголов с тибетским, китайским, тангутским и многими другими письменными системами Востока. Однако ныне нет никаких надежных свидетельств о применении ими древнетюркской рунической письменности в целом и енисейского ее варианта в частности. Следовательно, начертанные характерными енисейскими рунами (см. облик первого знака «b²» — рис. 4, 5) изучаемое слово *bičig* является свидетельством обратного направления заимствования: проникновения монголизма *bičig* в среду тюркоязычного населения Южной Сибири.

В языках всех современных тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья слово «надпись, письмо» и тому подобные понятия выражаются различными фонетическими вариантами, производными от монгольского *bičig*: бичик — в алтайском, *pičik* — в хакасском, *mičik* — в шорском и сагайском, бижиг — в тувинском и т. п. Эти слова входят в весьма значительный пласт заимствованной сибирскими тюрками монгольской лексики [28], воспринятой в результате длительного и тесного взаимодействия населения с монголоязычными народами, осуществлявшегося после завоевательных войн XIII в. вплоть до начала XVIII в., а для южных алтайцев и тувинцев — и позднее.

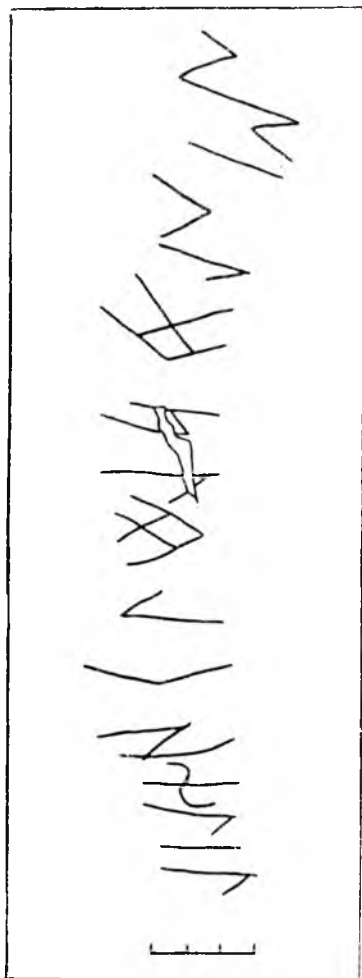
При учете политической истории Южной Сибири совершенно очевидно, что начертанная енисейскими рунами пояснительная приписка к Е 37/1 *bičig* — «надпись» не могла появиться ранее монгольского периода. Понятно также, что средневековый хакасский грамотей — носитель енисейского рунического письма — не мог вырезать свое столь значимое для нас пояснение к древней надписи до того, как монголизм *bičig* вошел в письменную речь местного общества. Маловероятно, что этот процесс мог произойти в начале XIII в., полном военными событиями и стремлением древних хакасов сбросить свою государственность. Скорее перед нами пример профессиональной лексики, употребляемой в делопроизводстве канцелярий Юаньской эпохи. Так или иначе, здесь следует особо отметить, что разбираемые пять знаков Е 37/2 являются первым несомненным свидетельством употребления енисейской рунической письменности в монгольское время.

III. Надпись на скале Хая-Бажи

Вторая надпись, выполненная поздним енисейским руническим письмом, известна с 1882 г. по копии И. С. Боголюбского, изданной в 1885 г. Н. М. Ядринцевым [31, с. 457, рис. 1,б], и материалам экспедиции И. Р. Аспелина [10, с. 7, 11, 14, табл. XVII]. Вырезанная на скале Хая-Бажи (правый берег р. Хемчик, Тува), она издавалась исследователями как седьмая строка памятника Е 24. Всюду, кроме финского атласа, надпись была воспроизведена неточно и поэтому неверно истолковывалась [16, с. 325—327; 17, с. 89—91; 19, с. 44].

Исследование надписей на скале Хая-Бажи (Бижиктиг-Хая), произведенное нами в 1982 г., показало, что по расположению на плоскости эта строка является 10-м наскальным текстом (Е 24/10) и сохранилась полностью. Она состоит из 15 знаков высотой от 1,3 до 4,5 см (чаще 3 см). Буквы прочерчены тонким

Рис. 6. Десятая надпись (Е 24/10) на скале Хая-Бажи (Бижиктиг-Хая, Тува). Прорисовка авторов

резцом и образуют вертикальную не вполне ровную строку длиной 26 см (рис. 6, 7). Знаки ясны, определяются без сомнений¹.

Транслитерация: is²i(i)zqu(o)l¹b²it²mišs²n².

Транскрипция: isiz qul bitmiš (e)s(ä)n.

Перевод: Поскольку недостойный раб (божий) написал (здесь) — (он стал) здоров. Или: Утверждают, что недостойный раб (божий) написал (здесь) (и стал) здоров.

Разбор: 1—4. Первое слово есть фонетический вариант более обычного в средневековых тюркоязычных текстах esiz — «скверный, злой». Насколько известно, в енисейских рунических надписях оно встречается впервые и, кроме одной орхонской рукописи, до сих пор было отмечено в тюркоязычных памятниках XI в. и позднее [22, с. 183, 184, 214]. Фонетическому облику слова в этом тексте можно указать многие подобию в древнехакасских надписях, в том числе и на самой скале Хая-Бажи (так называемый «i»-диалект).

5—7. Слово qul в значении «раб» употребляется в Е 32,1 и Е 44,1 [19, с. 61, 62, 80].

¹ Авторы благодарны Э. Р. Тенишеву за обсуждение первоначальной версии прочтения этой надписи.

Рис. 7. Десятая надпись (Е 24/10) на скале Хая-Бажи. Фотоснимки (увеличено): 1 — $i\dot{s}i\dot{z}q \dots$, 2 — $\dots \text{qu}^1\text{b}^2 \dots$, 3 — $\dots \text{b}^2\text{i}^1\text{t}^2 \dots$, 4 — $\dots \text{m}\dot{i}\dot{s}\dot{s}^2 \dots$, 5 — $\dots \text{i}\dot{s}\dot{s}^2\text{n}^2$

8—13. При учете весьма характерной орфографической особенности надписи — полном обозначении в ней узкого негубного гласного «i» (знаки 1, 3, 9, 12) — можно полагать, что здесь фиксируется применение не глагольной основы biti- , столь обычной для раннесредневековых тюркоязычных текстов, а формы bit- . Она не вошла в «Древнетюркский словарь», ибо, по словам Э. В. Севортяна, отмечена «значительно позднее, во всяком случае, едва ли ранее XII—XIII вв.» Известная узбекскому и уйгурскому языкам, эта глагольная основа встречается и в восточнотуркестанских памятниках, прежде всего в выполненных чагадайским письмом [27, с. 155, 156].

Многозначность формы на $-\text{m}\dot{i}\dot{s}/-\text{m}\dot{i}\dot{s}$ породила несколько определений ее основного смысла, имеющих место в лингвистической литературе [32, с. 188, 189, § 339; 33, с. 92—94; 34, с. 414—419]. В разбираемой фразе она не имеет именного характера и не выступает в роли конечного глагола. Полагая, что в надписи с помощью данной формы выражено «действие, совершившееся в неопределенном прошлом, как факт настоящего, как результат, как состояние» [33, с. 94] (ср. мнение П. М. Мелиоранского [35, с. 86; 32, с. 188, 189]). Такое понимание и служит основанием для дополнения перевода надписи словом «по-

сколькx». Избранное значение формы на -miš/-miš не исключает отмечающегося исследователями характерного для нее смысла неочевидности происшедшего, когда «говорящий не был свидетелем совершения действия ... знает и судит о нем со слов другого лица» [32, с. 188]. Перевод анализируемой надписи может быть и таким: «Утверждают, что недостойный раб (божий) написал (на этой скале) (и после этого) (стал) здоровым».

14—15. Слово esān «здоровый, невредимый» [22, с. 183], по чтению С. Е. Малова, в таком же, как здесь, написании двумя руническими знаками встречается в E 38,4 [19, с. 67, 68]. В качестве личного имени оно зафиксировано енисейским по письму граффито на стенной штукатурке в Яр-Хото (Турфан) [36, с. 81], которое мы предлагаем читать как es(ā)n b(i)tid(i)m — «Я, Эсен, написал».

Предлагаемое прочтение надписи E 24/10 предполагает опускание на письме конечного глагола (ожидалось бы bolti — «стал»). Формально существующие возможности видеть здесь конструкцию bitmišs(e)n — последнее сказуемое с личным показателем — не кажутся предпочтительными по двум обстоятельствам. Во-первых, в таких случаях, как наша надпись, форма на -miš/-miš используется в рунических памятниках лишь в 3-м лице ед. числа (при единственном известном исключении в E 11,/: aīpmiši m — «я был взят») [32, с. 189]. Правда, данное противоречие, возможно, снимается предлагаемой поздней датировкой этой надписи — в памятниках уйгурского письма XII—XIV вв. и в тюркоязычных текстах последующего времени, как и в современной живой речи, прежде всего народов так называемой огузской группы, личное спряжение форм на -miš/-miš известно [22, с. 658; 34, с. 414, 415]. Однако, во-вторых, и это, вероятно, главное, в наскальных надписях такого рода не известны случаи, когда повествование ведется от 2-го лица ед. числа. Обычно употребление 1-го лица ед. числа (ср. енисейскую, судя по облику знаков «b²» и «m», и древнехакасскую, судя по сопровождающей тамге середины IX в., надпись из Гурвалжин-ула (Монголия): t(ā)ŋri qulī bit(i)d(i)m — «Я, раб божий, написал» [37, с. 155]; или ...q(a)jaqa b(i)t(i)d(i)m... — «на скале я написал» (E 138) [38, с. 86, 87], или ...jiq(i)n s(a)ŋun b(i)t(i)d(i)m — «...я, Йигин Сангун, написал...» — в одной из строк на Хая-Бажи и однажды — 3-го лица ед. числа (...K²ul(u)n b(i)t(i)di — «... написал Кулун» [39, с. 280—286]). Этой же закономерности подчинены и глаголы, не имеющие значения «писать». Среди них, правда, нередко употребление и 2-го лица ед. и мн. числа, но, поскольку это мольбы и заклинания, в форме повелительного наклонения (ср., например, [40]).

В подтверждение предлагаемого чтения анализируемой надписи можно заметить, что наскальные надписи довольно часто лишены последнего сказуемого, нередко имеют вид назывного предложения (E 114, E 138 [38, с. 86, 87; 40], из Ховд-сомона Монголии [41] и др.).

Содержание надписи E 24/10 полностью согласуется со смыслом других древнехакасских граффито на скале Хая-Бажи, указывающих на былое поклонение этому природному объекту. Судя по енисейским надписям, подобное обожествление распространялось и на гору Телсей, стоящую у впадения в Енисей р. Тубы. Как и у Хая-Бажи, там в раннем средневековье действовала переправа [40].

Палеографические особенности изучаемой надписи принадлежат енисейской письменности. Таков облик 8-го («b²») и 13-го («š») знаков, менее показательны, но вполне очевидны формы 11-й («m») и 15-й («n²») букв. Вместе с тем в этом памятнике отразились черты речи, не свойственные известным руническим текстам классического этапа (с VIII по XII—XIII вв.). Уже указывалось, что глагольная основа bit- характерна для тюркоязычных текстов монгольского и последующего времени. Это хронологически позднее языковое явление должно рассматриваться в связи с орфографией надписи. Здесь мы вновь встречаем совершенно нехарактерную для енисейских надписей классического этапа норму полного обозначения гласных, уже знакомую по краткой надписи E 37/2, зафиксировавшей явный монголизм bičig.

IV. Руническое письмо в монгольское время: исторические условия существования

Таким образом, показанные лексико-фонетические и орфографические особенности двух кратких енисейских надписей Е 37/2 и Е 24/10 хорошо соотносятся друг с другом и с несомненностью свидетельствуют о продолжении применения в Южной Сибири этой рунической письменности позднее XIII в., в период пребывания Саяно-Алтайского нагорья во владениях монгольской империи. Установив этот факт, следует понять породившие его исторические условия.

Прежде всего необходимо принять во внимание то обстоятельство, что использование в любом обществе определенной системы письменности имеет не только культурное, идеологическое, но и издревле осознаваемое политическое значение [5, с. 3, 32—41]. Отсюда следует, что сохранение в монгольское время енисейской рунической письменности — былого официального письма Древнехакасской державы — могло быть лишь следствием реальной попытки возродить на Енисее утраченную государственную самостоятельность. По всей видимости, на политическую осознанность этого акта, противостоящего распространению государственной вертикальной или квадратной монгольской письменности, указывает факт сохранения в поздних рунических надписях характерных черт ранней, классической енисейской палеографии. Обнаружение енисейских надписей монгольского времени и в Хакасии, и в Туве позволяет соотнести их с попыткой воссоздания древней местной государственности на всей территории Саянского нагорья.

Согласно письменным источникам, в 1273 г. в бассейне и Среднего, и Верхнего Енисея произошло победоносное восстание, в результате которого власть монгольских феодалов была низвергнута. В течение 20 лет — вплоть до 1293 г. — к северу и к югу от Западных Саян вновь осуществлялось правление древнехакасских князей [42, с. 95—97]. Этот заключительный период самостоятельного существования древнего государства тюркоязычного населения Южной Сибири явился временем его духовного возрождения. Судя по археологическим данным, в это время произошел и определенный экономический подъем, местная культура и производство продолжали сохранять прежние традиции самобытного развития [43, с. 65, 67, 68]. По-видимому, именно тогда и был осуществлен возврат к енисейской государственной письменности.

В условиях предыдущего монгольского владычества, к 1273 г. длившегося более полувека, в языке саяно-алтайских тюрков вполне могли уже произойти определенные, прежде всего лексические и фонетические, изменения. Быть может, именно они нашли отражение в надписи Е 37/2. Наиболее вероятно, что в письменной речи, теснее связанной с различными формами государственной жизни, требовавшей от писцов-профессионалов двуязычия, монголизмы всякого рода (прежде всего канцеляризмы официального делопроизводства) появились ранее, чем в разговорном языке общества. В юаньскую эпоху, по-видимому, в целом происходят заметные сдвиги в языке средневековых хакасов. Так, под 1293 г. источники впервые упоминают не известный с танского времени этноним «хаФас/хакас», а производную от него в результате слоговой метатезы форму «хасха» [42, с. 62]. В этот же период отмечается и ранее не свойственный для языка процесс стяжения гласных при выпадении согласного в интервокальной позиции (этноним «хаас», например, возник как результат подобного видоизменения того же имени «хаФас/хакас» и, оснастившись монгольским показателем множественного числа, приобрел вид «хаазут») [44]. Оба отмечаемых языковых явления (как и обе новые формы этнонимов) присущи современной хакасской речи, формирование основ которой, очевидно, следует связывать с монгольским временем.

Если соотнесение лексических особенностей Е 37/2 с событиями 1273—1293 гг. кажется вполне допустимым, то для того, чтобы убедиться в возможности формирования лексического своеобразия Е 24/10 именно в эти годы, прямых

данных нет, хотя очевидно, что и они проявляются в монгольское время. Предполагая, что XIII в. является нижней датой выявляемого ныне позднего периода существования рунического письма в Южной Сибири, мы вместе с тем не можем считать юаньскую эпоху верхним пределом бытования енисейской письменности. Ряд важных прямых и косвенных свидетельств письменных и устных источников позволяет заключить, что остатки древнехакасской государственности в виде сохранения династической традиции, системы управления, прежней титулатуры уцелели в бассейне Среднего Енисея по крайней мере вплоть до полного его присоединения к Российскому государству в начале XVIII в. [45]. К этому времени относятся и последние упоминания о некоей самобытной письменности [45, 46]. Тогда, пожалуй, произошло и последнее политическое разъединение Хакасии и Тувы.

V. «Книжная» природа новой орфографии рунических надписей

Отмеченные политические условия последней четверти XIII в. были вполне пригодными для того, чтобы вернуть в сферу официального обращения енисейское руническое письмо. Но указания на них для объяснения произошедших изменений в нормах правописания, отмечаемых в обеих надписях XIII—XV вв., было бы явно недостаточно. Полное палеографическое и орфографическое единство двух изучаемых рунических памятников, разделенных восемь хребтами западносибирских гор и расстоянием в 400 км, указывает на то, что как облик употребленных в них письменных знаков, так и манера полного обозначения на письме гласных звуков в обоих случаях не является лишь результатом личного опыта каждого резчика. При учете абсолютно иных норм правописания, демонстрируемых двумя сотнями эпиграфических памятников классического периода енисейского письма, становится очевидно, что надписи Е 37/2 и Е 24/10 характеризуют новую единую систему орфографии, служащую признаком самостоятельного позднего этапа существования енисейской рунической письменности.

Традиция закономерного опускания при письме находящихся в определенных позициях гласных, столь характерная для всех азиатских рунических письменностей домонгольского времени, восходит еще к древней семитической основе местных письменностей Средней и Центральной Азии раннего и развитого средневековья. Сохранена она и в уйгурском письме, передана от него старомонгольской вертикальной письменности [47, с. 18, 46, 49]. В юаньском квадратном письме гласные буквы не считались самостоятельными и в начале слова следовали за дополнительными знаками, не имевшими звукового значения. Гласный «а» после согласных вообще не обозначался [47, с. 28, 29]. Приходится заключить, что возможное влияние официальных письменных систем монгольского государства в XIII—XIV вв. не могло привести к введению в позднем руническом письме отмечаемых новых орфографических норм. Вместе с тем очевидно и то, что их появление не вызывалось внутренними потребностями развития письменной тюркской речи на рунической основе.

Кардинальное отличие рунических алфавитов Азии от одновременных им письменностей состоит в том, что только их построение отвечало фонетическим особенностям тюркских языков (прежде всего закону гармонии гласных). Избранная система двойных обозначений согласных, не только полностью соответствовавшая, но и талантливо усовершенствовавшая принцип неполного написания гласных в отношении тюркской речи, была, как мы видим (рис. 4—7), сохранена на позднем этапе существования енисейского письма без изменений.

Последовательное алфавитное письмо с обозначением всех звуков слов было издавна характерно для средиземноморской античной традиции. Там, где она встречалась с письменами финикийско-арамейского корня, нередко отмечается

ее влияние на последние, выражавшееся в полной вокализации письма. Например, попытка обозначения на письме всех гласных (прежде всего заметная по передаче краткого «а» в середине слова), предпринятая в согдийской в отличие от остальных среднеиранских письменностей, расценивается специалистами как влияние греко-бактрийской орфографии. Весьма показательны, что, хотя в собственно согдийской письменности строгий алфавитный уровень орфографии так и не был достигнут, он оказался присущ согдийско-манихейским и согдийско-христианским текстам [48, с. 279, 280, 291, 570, прим. 5, 6; 49, с. 13, 14].

Наиболее вероятно, что человек, разработавший новые нормы позднего рунического правописания, сделал это на базе подобной письменной традиции западного корня. Основой для него послужила орфография письменного языка, не знающего закона гармонии гласных и осуществляющего принцип вокализованного письма. По-видимому, это был средневековый хакас, получивший образование в манихейской общине. В пользу сказанного свидетельствуют три существенных обстоятельства.

Во-первых, следует отметить, что именно для тюркоязычной манихейской среды VIII—X вв. известно употребление наряду с собственно манихейским и уйгурским также и рунического письма [50, с. 170, 171]. В Восточном Туркестане это явление приобрело достаточно широкое распространение, о чем свидетельствуют не только найденные там рунические религиозные рукописи, написанные по-тюркски, но и духовные тексты на среднеперсидском языке, выведенные рунами, а также фрагмент учебной рунической азбуки, звуковые значения букв которой переданы манихейским письмом [51].

Во-вторых, именно манихейские рунические рукописи (и некоторые светские тексты, происходящие из тех же местонахождений и тоже выполненные младшим орхонским письмом) демонстрируют ранние примеры несоблюдения классического рунического правописания. Характер таких отклонений совершенно очевиден: на письме обозначаются все гласные, кроме широких негубных «а» и «ä» («е») (ср. подобные особенности орфографии E 24/10). Можно указать тексты, состоящие из трех десятков строк, в которых знак для узкого негубного «i» пропущен лишь однажды [52, с. 302, стк. 15] (ср. [53, с. 216, стк. 5, 6]). Привнесение такой орфографии из норм манихейского письма не вызовет сомнений, если учесть, что совершенно так же написаны рунами среднеперсидские по языку рукописи [51, с. 1052—1055] (единственный пропуск «i» см. [51, с. 1053, стк. 11]). Отличие лишь в том, что в них часто обозначались и широкие гласные.

Правда, тюрки-манихейцы VIII—X вв., пользуясь руническим письмом, не всегда бывали последовательны в соблюдении этих правил. Им мешали знания классических норм рунического правописания: обычно они допускали пропуск узких негубных гласных при написании аффиксов (наиболее часто — показателя -lig/-l'ij [53, с. 186, 187]) часто позволяли себе двоякую передачу одних и тех же форм (например, -miš / -miš'), что особенно заметно в крупных текстах [53, с. 196—209]. Обнаруживаются примеры необозначенных узких негубных гласных в иных случаях (и в аффиксах, и в абсолютном начале, и в середине, и в открытом слоге в конце слов) [51, с. 1056, стк. 3, 6; 53, с. 186, стк. 18, с. 196 сл., стк. 1, 4, 10, 13, 15, 17, 28, 31—34, 37, 43, 48, 55, 65, 68—75, 78, 96, с. 219; 54, с. 1083, стк. 3, 6, 8, 12]. Случались даже пропуски губных гласных (правда, в написании одного и того же слова ug(u)ŋu [53, с. 186, стк. 20, с. 187, стк. 3, 4]).

Неполная последовательность в перенесении на руническое письмо принципов манихейской орфографии особенно хорошо проявляется в кратких приписках писцов к религиозным текстам, например в колофоне «īrq bitig» [53, с. 209], а также в рукописях светского содержания [53, с. 219]. В одной из последних встречаем фразу, почти совпадающую с наскальной надписью E 24/10. Однако, сравнивая их написание ([53, с. 219, стк. 11, табл. III, в]: isiz j(a)bīz qul b(i)tidim), заметим, что в позднеиранском камнеписном тексте принцип полного обозначения гласных соблюден строже, чем в рукописи домонгольского времени.

И наконец, в-третьих, следует учесть, что манихейство распространилось в Древнехакасском государстве в качестве официальной религии уже к середине IX в. [42, с. 142, 146, 147]. Оно, следовательно, могло не только сохраниться (как в некоторых областях Китая и пунктах Великого шелкового пути, где оно продержалось до XIV в. [55, с. 526]), но и получить в новых политических условиях последней трети XIII в. новый импульс для возрождения и возвращения прежних позиций.

К сожалению, имеющиеся сегодня материалы не позволяют полностью прояснить черты орфографической реформы, присущей позднему этапу енисейского письма. Надписи Е 37/2 и Е 24/10 отмечают лишь обязательность обозначения на письме узких негубных («i») и губных («u») гласных и возможность пропуска широких негубных («a», «ä/e»). Насколько последней черта была характерной, остается неизвестным, а вместе с тем — и вопрос о степени строгости в применении алфавитного принципа письма. Как бы там ни было, можно отметить, что свойственное раннему классическому периоду «светское» написание на позднем этапе сменилось на книжно-церковную по своей природе «манихейскую руническую» орфографию.

Поскольку новые орфографические требования, как мы видели, распространились и на Хакасию, и на Туву, ясно, что реформа правописания проводилась на всей тогдашней территории страны, т. е. была правительственной, а ее создатель отражал государственную идеологию. Таким образом, весьма вероятное обращение самостоятельного южносибирского государства к религии западного происхождения (скорее всего, к манихейству) может являться еще одним, ныне гипотетически реконструируемым признаком нового этапа существования рунического письма на Енисее и указывать на его хронологические пределы в рамках монгольского времени.

Можно полагать, что в борьбе за политическую, экономическую и идеологическую самостоятельность возрождаемой в конце XIII в. южносибирской державы местная знать опиралась на духовенство, оберегавшее, в силу присущего ему консерватизма, многие самобытные черты культуры Древнехакасского государства. С этим, вероятно, связано сохранение в позднеенисейских надписях характерных черт ранней, классической палеографии, как и формирование новых орфографических правил на основе норм, издавна существовавших в сфере религиозной литературы. Надпись Е 24/10 размещена на скале Хая-Бажи среди подобных молитвенных отметок IX—X вв. и, следовательно, подтверждает бытование в монгольское время и прежних культов, и тех же святынь, и старых форм их почитания.

Анализ двух кратких енисейских надписей, несмотря на скромную источниковедческую базу, выявляет настолько показательные и яркие лексические, орфографические и палеографические особенности, что позволяет с полным правом выделять новый период в истории енисейской рунической письменности, порождает новые связанные с ним историко-культурные вопросы, ответы на которые еще предстоит отыскать. Этот этап относится к концу XIII — началу XV в. В конце XIV — начале XV в. Южная Сибирь освободилась от монгольского владычества [42, с. 100—102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности//СА. 1960. № 3.
2. Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности//СА. 1965. № 3.
3. Кызласов И. Л. Отражение этнополитических традиций в памятниках рунической письменности//Маргулановские чтения. Сб. материалов конференции. Алма-Ата, 1989.
4. Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. М., 1990.
5. Кызласов И. Л. Рунические письменности степной зоны Евразии. Проблемы источниковедения: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 1990.
6. Кызласов И. Л. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов//СА. 1991. № 4.
7. Кызласов И. Л. Горноалтайские рунические надписи на стенах//Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск (в печати).

8. *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727. T. 1. B., 1962.*
9. *Радлов В. В. Сибирские древности//МАР. 1891. Т. 1. Вып. 2. № 5. Приложения.*
10. *Inscriptions de l'Éniseï. Helsingfors, 1889.*
11. *Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.*
12. *Радлов В. В. Атлас древностей Монголии//Тр. Орхонской экспедиции. Вып. 3. СПб., 1896.*
13. *Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей//СА. 1964. № 2.*
14. *Субракова О. В., Батманов И. А. Древние письмена Хакасии. Абакан, 1970.*
15. *Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.*
16. *Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 3. SPb., 1895.*
17. *Orkun H. N. Eski türk yazitlari. III. Istanbul, 1940.*
18. *Orkun H. N. Eski türk yazitlari. Ankara, 1987.*
19. *Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.*
20. *Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.*
21. *Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.*
22. *Древнетюркский словарь. Л., 1969.*
23. *Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе, 1971.*
24. *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия)//СТ. 1976. № 1.*
25. *Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. М., 1989.*
26. *Попле Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941.*
27. *Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Б. М., 1978.*
28. *Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.*
29. *Мэн-да бэй-лу. Перевод с китайского Н. Ц. Мункуева. М., 1975.*
30. *Пэн Да-я, Сюй Тун. Краткие сведения о черных татарах//Проблемы востоковедения. 1960. № 5.*
31. *Ядринцев Н. М. Древние памятники и письма в Сибири//Литературный сборник. Изд. ред. «Восточного обозрения». СПб., 1885.*
32. *Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.*
33. *Шербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981.*
34. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.*
35. *Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина//ЗВОРАО. 1899. Т. XII. Вып. II, III.*
36. *Radloff W. Altuigurische Sprachproben aus Turfan//Nachrichten über die von Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. I. St.-Pbg, 1899.*
37. *Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии//Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.*
38. *Кызласов И. Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности//СТ. 1981. № 4.*
39. *Кызласов И. Л. Новые свидетельства уйгуро-хакассских войн IX в.//СА. 1979. № 3.*
40. *Кызласов И. Л. Древнехакассские надписи с названием горы Тепсей//Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992.*
41. *Наделяев В. М. Древнетюркская надпись из Ховд-Сомона МНР//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.*
42. *Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.*
43. *Кызласов И. Л. Аскинская культура Южной Сибири X—XIV вв.//САИ. 1983. Вып. ЕЗ-18.*
44. *Кызласов Л. Р. Этноним хаас и хасха в хакасском//СТ. 1990. № 5.*
45. *Кызласов Л. Р. О титуле государя хакасов «ажо» и времени исчезновения рунической письменности на Енисее//Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992.*
46. *Кызласов Л. Р. Когда исчезла енисейская письменность южносибирских тюрков//Вестн. МГУ. История. 1992. № 6.*
47. *Кара Д. Книги монгольских кочевников. Семь веков монгольской письменности. М., 1972.*
48. *Хромов А. Л. Памятники согдийской, среднеперсидской, парфянской, бактрийской, новоперсидской письменности//Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.*
49. *Исхаков М. М. Палеографическое изучение согдийских письменных памятников: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Ташкент, 1992.*
50. *Габен А. фон. Культура письма и печатания у древних тюрков//Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986.*
51. *Le Coq A. von. Köktürkisches aus Turfan//SPAW. 1909. Zweiter Halbband.*
52. *Tomsen V. Ein Blatt in türkischer «Runen»-schrift aus Turfan//SPAW. 1910. № XV.*
53. *Tomsen V. Dr. M. A. Stein's manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tun-Huang//Journal of the Royal Asiatic Society. 1912. January.*
54. *Tomsen V. Fragment of a runic turkish manuscript Kao. 0107 from Kara-Khōja//A. Stein. Innermost Asia. V. I. Appendix Q. Oxford, 1928.*
55. *Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство//Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.*

A NEW PERIOD OF DEVELOPMENT OF THE YENISEY SYSTEM OF WRITING

(late 13th — early 15th centuries)

S u m m a r y

Two Yenisey runic inscriptions are analysed in the article, and the authors make a conclusion that this original Siberian system of writing was being used in the Mongol epoch. The first inscription (Fig. 1-5) has a mongol element *bičig* written with turkish runs, which cannot be dated earlier than the 13th century. The second inscription (Fig. 6,7) has a late form *bit* of a verb *biti*, also characteristic for the Mongol period. Both inscriptions have the identical orthography with non-reduced vowels, this rule is kept strictly in case of *i* and *u* is not kept in case of *e/ä*. This orthography was not characteristic for the Yenisey runic inscriptions of the 8th—12th centuries. Evidently it was the result of some orthographic reforms which took place in the Mongol epoch basing on the Manichean system of writing. The conservation of Yenisey runic system was possible only in the independent state of the ancient Khakasses. The attempt of rebuilding of their state is known from the written sources, it took place in 1273-1293. This state was located in the territories of present Khakassia and Tuva, where the inscriptions in question were found.

№ знака	I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
Значение	aš	ič	nj	is	iq	tü	dä/ed	mi	ä	e	g	γ	š	n ²	?	γ		
П я м я т н и к и	E 56																	
	E 49																	
	E 42																	
	E 4I																	
	E 16																	
	E 15																	
	E 65																	
	E 68																	
	E 2																	